

О КРИТЕРИЯХ ОТГРАНИЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ МОДЕЛЕЙ ОТ ФРАЗЕОСХЕМ

VADIM YU. MELIKYAN

ON THE CRITERIA FOR DETRACTING STABLE MODELS FROM FIXED PHRASE SCHEMES

**Вадим Юрьевич
Меликян**

Доктор филологических наук,
профессор

► melikyanv@sfedu.ru

Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Vadim Yu. Melikyan

Doctor of Philology,
Professor

Southern Federal University,
Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication,
105/42, ul. Bol'shaia Sadovaia, Rostov-on-Don,
Russian Federation

Статья посвящена выявлению системы критериев, позволяющих отграничивать устойчивые модели от фразеосинтаксических схем. Разграничение устойчивых моделей и фразеосхем как различных классов синтаксических фразеологических единиц представляет собой одну из наиболее сложных и важных проблем современной теории синтаксической фразеологии. Дополнительная трудность заключается в том, что фразеосхемы относятся к ядру синтаксической фразеологии, а устойчивые модели — к ее периферии. Решение данной проблемы и составляет актуальность, цель и новизну настоящего исследования. Языковой материал заимствован из специализированного словаря автора исследования. Общее количество фразеосхем, подвергнутых анализу, — 123. Иллюстративный материал заимствован из текстов художественной литературы, язык которой квалифицируется как современный русский язык. В исследовании использованы описательный метод, методы компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный, а также этимологического, контекстуального и сравнительного анализа. В статье исследуются устойчивые синтаксические конструкции в аспекте теории синтаксической фразеологии: определяется набор характеристик, позволяющих рассматривать их в системе различных классов синтаксических фразеологических единиц, а также отграничивать от свободных синтаксических конструкций; устанавливаются интегральные и дифференциальные признаки устойчивых моделей и фразеосхем, которые квалифицируются как абсолютные (дифференцирующие) и относительные (факультативные). Определены следующие абсолютные критерии: пересмысление всей производящей синтаксической конструкции или отдельной лексемы, наличие/отсутствие опорного компонента, наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции, наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции. Относительные критерии: актуальность/неактуальность синтаксического анализа, наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, устойчивая модель, фразеосхема, русский язык.

The article is devoted to the identification of a system of criteria that allow to distinguish stable models from fixed phrase schemes. The distinction between stable models and fixed phrase schemes as different classes of syntactic phraseological units is one of the most complex and important problems of the modern theory of syntactic phraseology. An additional difficulty lies in the fact that fixed phrase schemes belong to the core of syntactic phraseology,

and stable models to its periphery. The solution to this problem is the relevance, purpose and novelty of this study. The language material is borrowed from the specialized dictionary of the author of the study. The total number of syntactic constructions analyzed is 123 fixed phrase schemes. Illustrative material is borrowed from the texts of fiction, the language of which qualifies as the modern Russian language. The study uses the descriptive method, the method of component analysis of the semantic structure of the sentence, syntactic modeling, phraseological analysis, transformational method, as well as methods of etymological, contextual and comparative analysis. Stable models of the Russian Language are investigated in the aspect of the syntactic phraseology theory: a set of characteristics is defined that allow them to be considered in the system of various classes of syntactic phraseological units, as well as allowing them to be distinguished from free syntactic constructions; integral and differential features of stable models and fixed phrase schemes are established, which are qualified as absolute (differentiating) and relative (optional). Absolute criteria include the following: the nature of rethinking the producing syntactic construction (a single lexeme or the entire syntactic construction as a whole is being rethought); the presence/absence of a compulsory component; the presence/absence of deactualization/grammaticalization/lexicization of the syntactic structure components; the presence/absence of transformation of the syntactic meaning of the producing structure. The relative criteria are the following: relevance/irrelevance of parsing; the presence/absence of transformation of the functional type of the producing syntactic construction.

Keywords: syntactic phraseology, stable model, fixed phrase scheme, the Russian Language.

Введение

Фразеологические единицы представлены на различных уровнях языковой системы, что позволяет говорить о существовании фразеологической подсистемы языка [см., например: Виноградов 1947; Добровольский 2016; Fillmore, Kay, O'Connor 1988]. Наибольшим разнообразием фразеологические единицы отличаются на синтаксическом уровне [см., например: Архангельский 1964; Пиотровская 1998].

Принято выделять следующие классы синтаксических фразеологических единиц (далее — СФЕ): коммуникемы, фразеосинтаксические схемы (далее — фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты [Меликян 2001; 2010]. Деление СФЕ на классы обусловлено их разнородностью по составу, специфике означающего и означаемого, наличию и степени проявления фразеологических свойств, функциям и другим признакам. В связи с этим СФЕ делят на ядро (коммуникемы

и фразеосхемы) и периферию (устойчивые модели и устойчивые обороты) [Меликян 2014; Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017]. Каждый из данных классов СФЕ, в свою очередь, предполагает деление на фразеологические разряды, а также классификацию по другим критериям.

Такая разветвленная типология предполагает установление полного списка интегральных и дифференциальных характеристик СФЕ, а также наличие четких критериев их отграничения. Наибольшую трудность представляет, во-первых, обоснование лингвистического статуса устойчивых моделей (а по сути, их отграничение от свободных синтаксических конструкций) в связи с их периферийным статусом, во-вторых, отграничение устойчивых моделей от фразеосхем.

Языковой материал, использованный в настоящем исследовании, заимствован из специализированного словаря [Меликян 2016]. Общее количество языковых единиц, подвергнутых анализу, — 123 фразеосхемы и более двух десятков разнообразных устойчивых моделей.

В исследовании применены традиционные для теории синтаксической фразеологии методы: описательный, компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный, а также этимологического, контекстуального и сравнительного анализа.

Устойчивые модели vs свободные синтаксические конструкции

Устойчивые модели представляют собой периферию СФЕ. Их рассмотрение с точки зрения теории синтаксической фразеологии обусловлено тем, что они обладают некоторыми признаками фразеологических единиц.

Прежде всего, в устойчивой модели, в отличие от ее производящей свободной синтаксической конструкции, имеет место признак асимметрии формы и содержания, обусловленный частичной идиоматичностью диктумной пропозиции, а также полной идиоматичностью модусной пропозиции, например:

— *Значит, про меня она тебе ничего не сказала? — Сказала она! Как же!* /М. Зощенко. Пару-

синовый портфель/; Ср.: — *Значит, про меня она тебе ничего не сказала?* — **Сказала она!** С тебя и начала разговор.

Означающее данной устойчивой модели представляет диктумную пропозицию в форме утверждения (*Сказала она*), при этом модусная пропозиция вообще отсутствует (высказывание нейтрально с точки зрения эмоциональности). Ее означаемое значительно шире по объему: во-первых, оно включает в свой состав компонент «не» (*Она не сказала*), во-вторых, модусную пропозицию в форме эмоциональной реакции на реплику-стимул: «возмущение, ирония, негативное отношение к предмету речи и собеседнику и т. п.». То есть сема отрицания, а также модусная пропозиция, формально не представленные в структуре такого высказывания, являются идиоматическими.

Существуют дополнительные показатели идиоматичности устойчивой модели, которые, однако, не являются обязательными. К примеру, идиоматичным может оказаться функциональное значение высказывания при выражении повествовательного значения (отрицания или утверждения) посредством вопросительной синтаксической конструкции. Например:

— *Нет, — сказал Павел Иванович, — этак не ходят по три шашки, вдруг. — За кого ж ты меня считаешь?* — *горячился Ноздрев. — Стану я плутовать?* («Я не стану плутовать...»: вопросительное предложение → повествовательное предложение в форме отрицания) /Н. Гоголь. Мертвые души/; — *Какие вы бессовестные! Можно ли так лгать?* — *Где уж тут солжешь?!* («Нельзя так лгать...»: вопросительное предложение → повествовательное предложение в форме отрицания) /И. Гончаров. Обыкновенная история/.

Также возможны случаи грамматической транспозиции, т.е. переносного использования отдельных грамматических форм, например:

[Старуха:] *Да ты чо уж, помираешь, што ли! Может, ишо оклемаисся.* [Старик:] *Счас — оклемаисся. Ноги вон стынут... Ох, господи, господи!..* («Не оклемаюсь...»: прошедшее время → будущее время) /В. Шукшин. Как старик помирал/.

На уровне означающего фразеологизация устойчивой модели может проявляться в измене-

нии словопорядка в предложении и выносе в инициальное положение рематического (информативно наиболее значимый) члена предложения, как правило предикативного. Например:

— *Да ну тебя! Откуда я знаю, здесь ты или не здесь. Я думала, Илья один. Пришла ему сказать, что матушка-то у нас уж сидит. — Сидит она! Как же! Только недавно видел ее у Марьи.* («Не сидит она...») /В. Распутин. Последний срок/.

«Субъективный» порядок слов в высказывании обусловлен эмфазой, которая акцентирует внимание на предмете речи и способствует переосмыслению значения слова в такой позиции на противоположное. Однако эмфатически маркированным может оказаться и прямой порядок слов, что детерминируется актуальным членением предложения. При этом, по мнению Д. Н. Шмелева, первичным для синтаксических конструкций с обратным порядком слов следует считать экспрессивно-ироническое значение: «И в большинстве случаев “нейтральнее”, привычнее именно первое осмысление» [Шмелев 1958: 64; см. также: Шведова 1980].

Таким образом, появление идиоматичности и других признаков фразеологизации у устойчивой модели обусловлено в определенной степени синтаксическим (специальная синтаксическая схема) и коммуникативным (специальная темарематическая схема) факторами. Однако следует отметить, что данные средства фразеологизации устойчивой модели являются факультативными.

И все же устойчивые модели ближе к свободным синтаксическим конструкциям: они обладают диктумной пропозицией, представляющей собой почти полностью сумму значений входящих в нее структурных компонентов; в их составе отсутствуют десемантизированные и фразеологизированные лексические компоненты; устойчивые модели способны воспроизводить все структурные схемы предложений со свободным порядком слов; синтаксические связи между компонентами устойчивой модели актуальны и совпадают в структуре означающего и означаемого.

Таким образом, устойчивые модели — явление переходное между нефразеологизированными и фразеологизированными предложениями,

они относятся к периферии поля синтаксической фразеологии. Их принадлежность к классу СФЕ является условной.

Устойчивые модели vs фразеосхемы

Отграничение устойчивых моделей от фразеосхем представляется задачей более важной и сложной [см., например: Шведова 1960; Шмелев 1976].

Наличие отдельных признаков фразеологизации приводит к тому, что устойчивые модели становятся сходными с фразеосхемами, что порождает необходимость выявления их дифференцирующих характеристик. Анализ данного объектного пространства привел к выводу о том, что существует две группы таких характеристик: абсолютные (присущи только устойчивым моделям, а потому способны выполнять дифференцирующую функцию) и относительные (могут быть присущи устойчивым моделям и фразеосхемам, т. е. факультативные).

Характеристики СФЕ и критерии их отграничения

1. Процесс и результаты формирования устойчивой модели и фразеосхемы существенно различаются. Так, формирование экспрессивно-иронического значения свободной синтаксической конструкции и ее трансформация в устойчивую модель происходят в результате переосмысления отдельной лексемы, соответствующей конкретной синтаксической позиции (члену предложения). Например:

— Ты не грусти. Я тебе помогу. — **Нужна мне твоя помощь!** Я от тебя даже хлеба краюхи не возьму! — отозвался Федька. («Мне твоя помощь не нужна...») /А. Гайдар. Школа/;

— У нее есть ум. — **Она умна!** Как же! («Она не умна...») /Н. Лесков. На ножах/;

— **Всё в порядке пока, товарищ четвертый.** — Не верю. Харчей нет? Жрать нечего? Докладывай! — **Кондратьев только кашлянул тихо.** — Опять кашляешь? Говори, нет харчей? Как же! **В порядке!** («Не в порядке...») /Ю. Бондарев. Батальоны просят огня/;

— **Сейчас все зависит от вас, Александр Борисович.** Если вы его расколете, то все будет в поряд-

ке. — **Расколется он, жди!** Я уже перепробовал все средства! («Не расколется он...») /Ф. Незнанский. Контрольный выстрел/.

Как видим, диктумная пропозиция, репрезентированная означающим устойчивой модели (**Нужна мне твоя помощь!**) и представленная в ее означаемом («Мне твоя помощь не нужна...»), практически полностью совпадает по объему и содержанию, за исключением появившегося отрицания у сказуемого.

Во фразеосхеме переосмысливается вся синтаксическая конструкция в целом. Например, во фразеосхеме-сращении «**Где + V!**»²:

— А то, что про мое участие никто не будет знать — так это не важно, главное, что сам будешь от гордости лопаться! — И слушать не хочу этот бред! — Старыгин отвернулся и снова склонился над картиной. — Приходите снова, если придумаете что-нибудь поумнее! — Поумнее? — Легов усмехнулся. — **Где уж нам поумнее!** Мы ведь люди простые, грубые! Университет, правда, тоже закончили, но до вас нам ой как далеко! («У нас поумнее не получится...») /Н. Александрова. Последний ученик да Винчи/.

Здесь значение опорного компонента где вообще не представлено в силу его полной деактуализации (лексико-семантической и морфолого-синтаксической).

Данный критерий актуален также для фразеосхем-сочетаний, т. к. в них имеет место переосмысление всей синтаксической конструкции, однако в гораздо меньшем объеме. Например, во фразеосхеме «**Где + V!**»¹:

— Азербайджанца на мясокомбинате. Даже молдованина подыскали, инструктора райкома комсомола. А вот с узбеками, киргизами, туркменами — завал. **Где я возьму узбека?!** — В Узбекистане, — подсказал я. — Какой ты умный! («Мне негде взять узбека...») /С. Довлатов. Чемодан/.

Подобные синтаксические конструкции все же относятся к фразеосхемам, так как в них обнаруживаются и другие признаки фразеологизации, присущие данному классу СФЕ — синтаксические отношения между компонентами фразеосхем-сочетаний актуальны не в полном объеме, несмотря на свою «прозрачность» (т. е. понятность и граммати-

ческую правильность). Семантические отношения также частично деактуализированы в силу частичной десемантизации опорного компонента: происходит отход от прямого лексического значения (*где* — вопросительное наречие («в каком месте?») → *негде* — наречие с инфинитивом: «нет места, источника, откуда можно добыть, получить что-либо»; обобщение его семантики и ее распространение на содержание всего высказывания в целом).

По справедливому утверждению Н. Ю. Шведовой, такие построения следует квалифицировать как «конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение; такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определенного модального значения» [Шведова 1960: 278].

Данный критерий (характер переосмысления производящей синтаксической конструкции) является абсолютным (дифференцирующим).

2. Формирование устойчивой модели имеет минимальные последствия для ее означающего: все структурные компоненты остаются актуальными с точки зрения лексико-семантического значения и синтаксической функции. Например:

— *Какие удивительные перевероты бывают, я это знаю: он был настоящий атеист.* — Атеист он. *Как же!* — *отвечает Дунечка,* — *просто и верно говорят мужики: бешеный барин.* («Он не атеист...») /М. Пришвин. *Курымушка*/.

При формировании фразеосхемы происходят существенные трансформации означающего, выражающиеся, прежде всего, в появлении обязательного неизменяемого (опорного) компонента. Например, во фразеосхеме-единстве «**Какой + N1!**»¹:

— *Ты бы мне еще водочки, сестрица...* — *Какая там водочка!* *Нельзя тебе больше, никак нельзя, миленький.* («Водочки нельзя...») /М. Шолохов. Они сражались за Родину/.

С учетом коммуникативного смысла данной фразеосхемы невозможно установить синтаксический статус лексемы *водочка*, несмотря на ак-

туальность ее значения. Можно предположить, что это позиция дополнения (Водочку ты не получишь) или подлежащего (Водочка тебе противопоказана). Синтаксическая же позиция лексем какая (вопросительное местоимение) и там (частица, разг., употребляется обычно при местоименных словах для придания оттенка несущественности, пренебрежения. Нашел каких-то там друзей) в силу их полной лексико-грамматической деактуализации не определяется.

Данный критерий (наличие/отсутствие опорного компонента) является абсолютным.

3. Сохранение в устойчивой модели синтаксического значения производящей свободной синтаксической конструкции обуславливает актуальность ее синтаксического анализа. Например:

— *Говори! А то я тебе покажу, где раки зимуют!* — Боюсь я тебя! — *воскликнул Сеня, смело взглянув на Махана.* — *Я не боюсь тебя!* («Не боюсь я тебя...») /Л. Кассиль. *Чаша гладиатора*/.

Во фразеосхеме в силу полной или частичной деактуализации синтаксических отношений между компонентами модели предложения синтаксический анализ невозможен вообще или допустим лишь частично. Например, во фразеосхеме-сравнении «**Где + V!**»²:

— *Ты нежная душа, размазня, где тебе ненавидеть!* («Ты не можешь ненавидеть...») /И. Тургенев. *Отцы и дети*/;

— *Ты пока еще в полете, ты оптимист, ты искатель, и мир для тебя хорош, ты молодой.* — *Где уж молодой...* — *печально сказал Данилов.* («Я не молодой...») /В. Орлов. *Альгист Данилов*/.

Алогичность прямой интерпретации данных примеров очевидна в силу логической несочетаемости вопросительного наречия *где* с глаголом *ненавидеть* и именем прилагательным *молодой* (нельзя *ненавидеть* или *быть молодым* в конкретном месте). Полнозначительные лексемы, входящие в состав данных высказываний, можно лишь формально отнести к сказуемому.

В некоторых случаях не совпадают даже морфологические показатели предполагаемого глагола-сказуемого в означающем и означаемом фразеосхемы, например:

— Обедню небось уже не служите? — спросил он при следующей встрече. — **Где там служить.** Прихожане по городам разбежались, сокровища ищут. («Не служим...») /И. Ильф, Е. Петров. Две-надцать стульев/.

Формальное и актуальное значения глагола-сказуемого в данном примере различны: *служить* (инфинитив) → *не служим* (настоящее время). Все это делает синтаксический анализ фразеосхем нерелевантным.

Данный критерий (актуальность/неактуальность синтаксического анализа) является все же относительным.

4. Отсутствие в составе означающего устойчивой модели опорного компонента обуславливает и отсутствие фактов деактуализации лексико-грамматического значения отдельных ее структурных компонентов.

В составе фразеосхемы одна или несколько лексем имеют статус опорного компонента, приобретаемый ими в результате частичной и полной утраты своего исходного значения: лексического, морфологического и синтаксического. Даже у фразеосхем-сочетаний, характеризующихся минимальной степенью фразеологизации, явление деактуализации/грамматикализации/лексикализации имеет место в той или иной степени. Например, во фразеосхеме «**Что + за + N1!**»¹:

[Аграфена Кондратьевна:] ...Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись! [Липочка:] **Что за грех такой!** Нынче все этим развлекаются. Раз... два... («В этом нет никакого греха...») /А. Островский. Свои люди — сочтемся/.

В составе данной фразеосхемы сочетание вопросительного местоимения с предлогом *что за* (обозначает вопрос о предмете, явлении, признаке, качестве, свойстве чего-либо и т. п.) практически полностью десемантизировано, о чем свидетельствует повествовательная (восклицательная) форма высказывания, а также отсутствие вопросительного знака в конце предложения.

Таким образом, результатом формирования фразеосхемы является грамматикализация ее синтаксической конструкции и закрепление за самой моделью предложения обобщенного значе-

ния утверждения, отрицания, положительной/негативной оценки и т. п.

Данный критерий (наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции) является абсолютным.

5. Устойчивая модель заимствует синтаксическое значение у производящего предложения. Например:

— Такой боевитый — так и обжигает! — нескромно захихикав, сказала женщина. — **Слушай ее больше!** — воскликнул Иван горько. — Убить, да грех на душу брать неохота! (Слушай ее больше → Не слушай ее: простое предложение) /В. Шукшин. До третьих петухов/.

При формировании фразеосхемы синтаксическое значение производящей синтаксической конструкции часто трансформируется. Например, фразеосхема «**A to + Pron1 + не + V!**», представляющая собой простое предложение со значением утверждения, сформирована на основе придаточной части сложноподчиненного предложения с причинно-аргументативным союзом *а то*, который присоединяет часть предложения или предложение при выражении причинного обоснования: «потому что», «поскольку». Например:

— Раз на коне ночью приехал к окну, пьяный. Просился. — Что ж, не пустила? — **A то пустить!** Я раз слово сказала, и будет! Твердо, как камень, — серьезно отвечала Марьяна. /Л. Толстой. Казаки;/ ср.: У него [Сережи] дрогнула губа, но он скрепился; подходила Лида, **при ней плакать не стоит, а то задразнит:** «Плакса! Плакса!» /В. Панова. Сережа/.

Фразеосхема-простое предложение «**Где + же + еще + V!**» образована на основе первой части фразеосхемы — сложноподчиненного предложения «**Где + <же> + еще + V [N, Pron, Adj, Adv], + как [если, коли (устар.)] + не + Adv. m. (места) (?)!**». Например:

Естественно. Бывшая торговая площадь. Рыночная. **Где же еще в старину жигали?** Очистили место, натаскали из ближнего леса хвороста, собрались газеть. /М. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей/;

ср.: — *Почему в Голландию и почему именно сейчас? — вопросы праздные. — Где же еще развезть весенний сплин, как не в уютной и веселой стране?* /Е. Малик. Северная Бавария/.

Фразеосхема — простое предложение «Где + как + не + Adv. m.!» образована на основе обеих частей фразеосхемы — сложноподчиненного предложения «Где + <же> + еще + V [N1-6, Pron, Adj, Adv], + как [если, коли (устар.)] + не + Adv. m. (места)(?)!».

«Записки сумасшедшего» по праву могут быть названы «записками из подполья». *Где, как не в подполье, копил их герой свою боль и свои сарказмы? Он долго ждал, он терпел и, наконец, его прорвало. /И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья»/;*

ср.: *Перед входом красовалась вывеска: «Общество охраны памятников», что было вполне понятно. От него до Кремля и Красной площади рукой подать, а где ж еще охранять памятники, как не здесь, в самом сердце столицы?* /А. Мацапов. Мастер и подмастерье/.

Данный критерий (наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции) является абсолютным.

6. При формировании устойчивой модели функциональный тип ее производящей синтаксической конструкции чаще сохраняется, например:

— *Про меня, значит, разговор? — Ага, про тебя! Делать нечего!* («Не про тебя...») /А. Толстой. Петр Первый/; ср.: — *Про меня, значит, разговор? — Ага, про тебя! Весь день только про тебя и говорила!* («Про тебя...»);

— *Поддержали бы вы эту надежду, кузина? — Поддержала бы! Как же!* («Не поддержала бы...») /И. Гончаров. Обрыв/; ср.: — *Поддержали бы вы эту надежду, кузина? — Поддержала бы! Без всяких сомнений!* («Поддержала бы...»).

Однако это не является обязательным признаком устойчивой модели, например:

— *...Я у вас завяла совсем. — ...Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле.* («Я была не такая: повествовательное (восклицательное) предложение») /А. Островский. Гроза/; ср.: — *...Я у вас завяла совсем. — ...Такая ли я была? — Нет. Это ты у нас засохла.* (вопросительное предложение).

При формировании фразеосхемы функциональный тип производящей синтаксической конструкции чаще изменяется. Например, фразеосхема «Куда + V!»² образована от фразеосхемы «Куда + V!»¹, которая, в свою очередь, сформирована на основе простого вопросительного предложения:

— *Война все равно кончена. Куда там воевать, когда уж все провоевали!* («Воевать не имеет смысла...») /А. Макаренко. Честь/;

ср.: — *С толком надо учить, а у тебя одна улица на уме. Куда она денется, твоя улица? Никуда она не денется. А время пропустишь...* («Никуда не денется...») /В. Шукшин. Забуксовал/;

ср.: — *Куда идти, господин майор? — спросил я. Он молча показал саблей налево.* («В каком направлении?») /В. Гаршин. Аясларское дело/.

Необязательность данной характеристики делает этот критерий (наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции) относительным.

Заключение

Разграничение устойчивых моделей и фразеосхем представляет собой сложную проблему теории синтаксической фразеологии как в собственно теоретическом, так и во фразеографическом аспектах.

Все критерии их различения целесообразно делить на абсолютные, являющиеся обязательными и выполняющие функцию отграничения от иных классов СФЕ, и относительные (необязательные, факультативные).

К абсолютным критериям следует отнести следующие:

— характер переосмысления производящей синтаксической конструкции (переосмысливается отдельная лексема или вся синтаксическая конструкция в целом);

— наличие/отсутствие опорного компонента;

— наличие/отсутствие деактуализации/грамматикализации/лексикализации компонентов синтаксической конструкции;

— наличие/отсутствие трансформации синтаксического значения производящей конструкции.

В качестве относительных критериев выступают следующие:

— актуальность/неактуальность синтаксического анализа;

— наличие/отсутствие трансформации функционального типа производящей синтаксической конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский 1964 — Архангельский В. Л. *Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 315 с.

Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: А. А. Шахматов. *Синтаксис русского языка*. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 140–161.

Добровольский 2016 — Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология. *Вопросы языкознания*. 2016, (3): 7–21.

Меликян 2001 — Меликян В. Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. *Филологические науки. НДВШ*. 2001, (6): 79–89.

Меликян 2010 — Меликян В. Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка. *Русский язык в школе*. 2010, (11): 55–60.

Меликян 2014 — Меликян В. Ю. *Современный русский язык. Синтаксическая фразеология*. М.: Флинта; Наука, 2014. 232 с.

Меликян 2016 — Меликян В. Ю. *Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели*. М.: Флинта; Наука, 2016. 336 с.

Пиотровская 1998 — Пиотровская Л. А. К вопросу о синтаксической фразеологии. В кн.: *Славистический сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ*, 1998. С. 111–118.

Шведова 1980 — Шведова Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.

Шмелев 1958 — Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. *Вопросы языкознания*. 1958, (6): 63–75.

Шмелев 1976 — Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы. В кн.: *Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке*. М.: Наука, 1976. 152 с.

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*. 1988, (3): 501–538.

Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017 — Melikyan V., Melikyan A., Dzubenko A. Syntactic phraseological units. Syntactic

phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik*. 2017, (1): 1–25. <https://doi.org/10.1515/slav-2017-0002>

REFERENCES

Архангельский 1964 — Arkhangel'sky V. L. *Stable phrases in the modern Russian language. Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 315 p. (In Russian)

Виноградов 1947 — Vinogradov V. V. On the main types of phraseological units in the Russian language. In: A. A. Shakhmatov. *Cintaksis russkogo iazyka*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. P. 140–161. (In Russian)

Добровольский 2016 — Dobrovolsky D. O. Constructions grammar and phraseology. *Linguistics Issues*. 2016, (3): 7–21. (In Russian)

Меликян 2001 — Melikyan V. Y. On the main types of indivisible sentences in the Russian language. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2001, (6): 79–89. (In Russian)

Меликян 2010 — Melikyan V. Y. Syntactic phraseological units of the Russian language. *Russian language at school*. 2010, (11): 55–60. (In Russian)

Меликян 2014 — Melikyan V. Y. *Modern Russian language. Syntactic phraseology*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2014. 232 p. (In Russian)

Меликян 2016 — Melikyan V. Y. *Dictionary of expressive stable phrases: fixed phrase schemes and stable models*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2016. 336 p. (In Russian)

Пиотровская 1998 — Piotrovskaya L. A. On the question of syntactic phraseology. In: *Slavisticheskiy sbornik. St. Petersburg: St. Petersburg University Press*, 1998. P. 111–118. (In Russian)

Шведова 1980 — Shvedova N. Yu. (ed.) *Russian Grammar*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980. 709 p. (In Russian)

Шведова 1960 — Shvedova N. Yu. *Essays on the syntax of the Russian colloquial speech*. Moscow, 1960. 377 p. (In Russian)

Шмелев 1958 — Shmelev D. N. An expressive and ironic expression of denial and negative evaluation in the modern Russian language. *Issues of linguistics*. 1958, (6): 63–75. (In Russian)

Шмелев 1976 — Shmelev D. N. Syntactically related constructions-fixed phrase schemes. In: *Syntactic divisibility of a statement in the modern Russian language*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 152 p. (In Russian)

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE. *Language*. 1988, (3): 501–538.

Melikyan, Melikyan, Dzubenko 2017 — Melikyan V., Melikyan A., Dzubenko A. Syntactic phraseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik*. 2017, (1): 1–25. <https://doi.org/10.1515/slav-2017-0002>